
МУРЗИЛКА
№5
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ
МАЙ
1948
1 МАЯ

1 МАЯ

На майский праздник
В первый раз,
Нарядный и весёлый,
Идёт сегодня первый класс
Со всей своею школой.

Несёт по улице народ
Весенние подарки:
Привёл сюда автозавод
Автобус новой марки;

Из ситца сделали флажки
Работницы Трёхгорки,
А лучшие ученики
Несут свои пятёрки.

Товарищ Сталин будет рад
Победам пятилетки
И будет рад, что у ребят
Отличные отметки.

З. Александрова

Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ!

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Я. ТАЙЦ

Шурик прибежал из школы домой и сразу к дедушке:

— Деда, а деда! Угадай, что мы всем звеном делаем?

Дедушка читал газету.

— Не знаю, — ответил он.

— Угадай, деда! — приставал Шурик.— На букву «А».

— Арбуз... Амбар... — ответил дедушка, не отрываясь от газеты.

— Нет, — сказал Шурик. — На «А» и на «П».

— Аптека!

— Альбом, а не аптека! — засмеялся Шурик. — Альбом «Первомай». К празднику. Рыжов Петя обложку разрисовал. Все картинки принесли, наклеили. А мне надо маленькую заметку составить. Там место под картинкой осталось.

— Что ж, дело доброе, — сказал дед и снова взялся за газету.

— Погоди, дедушка! Ну что ты всё читаешь!

Шурик отобрал у деда газету, достал из портфеля пенал, из пенала карандаш, взял тетрадку и написал: «Заметка про Первое мая».

— А дальше что?

Дед сдвинул очки на морщинистый лоб.

— Сейчас сообразим. Вот пиши! Первое мая — это праздник особенный, рабочий, мол, праздник, пролетарский... Мы его ещё при царе праздновали.

— При царе? — Шурик удивился. — Царь тоже праздновал?

— Праздновал, — усмехнулся дедушка, — на наших спинах.

Шурик записал: «Праздновал на наших спинах»...

— А я тогда был, дедушка?

— Тебя и в помине не было!

— А Серёжа был в помине?

— И Сергея не было.

— А папа был?

— Был, только маленький. Ведь это дело давнее. Я тогда только-только на Прохоровскую фабрику поступил. А тут Первое мая приближается. Пошёл по цехам разговор: «Давайте, мол, ребята, проведём маёвку. Ведь это наш праздник, рабочий».

— Ну и куда вы пошли? — спросил Шурик. — На Красную площадь? Да?

Дед засмеялся. Очки его упали на стол. Он вытер глаза большим клетчатым платком и сказал:

— Какая там Красная площадь! Ведь мы тайно собирались, поодиночке, чтобы полиция не пронюхала. Всё тишком, украдкой. На Ваганьковом кладбище или в Сокольниках. Только там редко, потому что от нас далеко было.

— А вы бы на метро! — сказал Шурик.

— Вот и толкуй с ним! — снова засмеялся дед. — Чего захотел! Метро! Чудак-человек! Никакого метро тогда не было.

— Ты, дедушка, не смейся, — сказал Шурик, — а про Первое мая давай.

— Ладно! И вот — идём. Вина с собой брали, гармонь, будто на гулянку. Соберёмся где поглуше, в овражке там гденибудь, одного поставим караулить, а сами давай маёвку проводить. А потом и песню заведём...

И дедушка вдруг запел тоненьким скрипучим голоском:

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой, —
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой!

Дедушка закашлялся и снова взялся за платок.

— Понял, внучек? Своею собственной рукой! Так оно и вышло.

Шурик никогда ещё не слыхал, как дедушка поёт. Он растерянно смотрел на деда.

— Дедушка, а как же это всё записать?

— Так и пиши, — сказал дедушка. — Ведь ты у нас учёный. Вон у тебя и портфель какой важный! Это я никакой школы не кончал, с восьми лет в «мальчики» пошёл.

Шурик уставился на деда: что, дед шутит или всерьёз говорит?

— А раньше ты девочкой был, что ли?

Дедушка улыбнулся.

— Да нет же, это я работать пошёл... мальчиком; на побегушках, — сказал дедушка.

Шурик опять взялся за карандаш.

— Деда, а это вправду всё было?

Дедушка обиделся:

— Ты что ж это, родному деду не веришь?

— Верю, дедушка, только не верится. И потом, дедушка, мне коротенькую надо составить, а ты столько всякого наговорил. Я лучше у папы спрошу.

— Дело ваше!

Дедушка спустил очки на глаза и снова развернул газету. А Шурик стал ждать папу. И вот папа пришёл.

— Папа, — подбежал к нему Шурик, — угадай, что мы делаем к празднику на букву «А»?

— Альбом, — сказал папа.

— Верно! Как ты угадал? А дедушка сказал: аптека.

— Ещё бы мне не угадать, — засмеялся папа, — если из моего журнала кто-то все картинки вырезал.

— А я вовсе не все, — сказал Шурик и полез к папе на колени. — Папа, подскажи мне про Первое мая. Только коротенькое. А то деда наговорил тут...

Дед обиженно зашелестел газетой. Папа задумался.

— Ладно, Шурик. Пиши: Первое мая.

Годы разрухи. Война. По всей стране тогда люди вышли на работу.

— Неправильно! — сказал Шурик. — Первое мая — это праздник, а в праздник не работают.

— Да ты ему не рассказывай, — сказал дед: — он у нас Фома-неверный.

— И правда, что Фома! Ведь это, Шурик, был субботник, все работали, чтобы помочь родине...

Шурик спросил:

— А это тоже при царе было, да?

— Какое там — при царе! Его ещё за три года до этого народ прогнал. И буржуев всех прогнал. А они опять пошли против народа. И началась гражданская война.

— Они фашисты были, я знаю, — сказал Шурик.

— Вроде того, — ответил папа. — Их тогда белыми называли.

— Они белые, а мы красные!

— Верно. Но тут не только белые, но и англичане, и французы, и японцы — все стали посылать свои войска против нас. Думали: в Советской России люди у власти стоят простые, рабочие да крестьяне, дай-ка мы их завоюем и опять над ними царя поставим.

— Ну, а мы? — спросил Шурик, ёрзая у отца на коленях.

— А мы, Шурик, от всех отбились. У нас народ был раздетый, разутый, голод, хлеба мало, оружия мало. А у врагов и пушки, и танки, и самолёты, и хлеб, и сапоги... И всё-таки мы их победили!

— Я знаю, — сказал Шурик, — потому что мы красные. Красные всегда побеждают! Папа, а где же про Первое мая?

— Я ж тебе рассказываю. И вот тогда Первого мая устроили субботник по всей стране. А я был курсантом Кремлёвской школы. Выходим мы на субботник. Смотрим, вместе с нами вышел работать, знаешь кто?

Шурик задумался:

— Не знаю.

— Ленин, вот кто! — сказал папа.

— Ленин? Ой, ты живого Ленина ви-

дел! — Шурик вскочил. — Неправда, ты не видел!

— Да как же не видел, когда он тут, рядом, вместе с нами работал.

Шурик сказал:

— Ой, папа, как это интересно! Только это много, а мне надо три строчки.

Папа покачал головой:

— Ну, это вы уж как-нибудь там сократите, в вашей редакции.

— Нет, — сказал Шурик, — я лучше Сергея подожду.

Шурик стал ждать старшего брата. И вот Сергей пришёл. Шурик к нему:

— Расскажи про Первое мая, Серёжа! Только вот столечко, на три строчки.

Сергей снял ремень, расстегнул ворот гимнастёрки с орденами, сел рядом с Шуриком и поглядел на деда и отца.

— Вы что же, не могли Шурику помочь?

— Да ему не угодишь, — сказал папа,— он Фома-неверный.

Сергей сказал:

— Ну, брат Фома, бери карандаш, пиши: «Первое мая сорок пятого года». Написал? «Красная Армия ворвалась в Берлин». Написал? Пиши: «Вместе со всеми вошёл в Берлин и мой брат, гвардии лейтенант Сергей Иванов». Пиши: «Настроение было сверхбоевое. Не шутка: Первое мая! Надо к великому празднику подарок родине! А какой может быть лучший подарок? Полностью овладеть Берлином. А немец отбивался отчаянно. Податься-то ему уже некуда. Но мы всё вперёд да вперёд, от одной улицы к другой. Всё-таки сегодня наш праздник! Подошли к рейхстагу. Весь день сражались. Потом — в решительную: «За родину, за Сталина! Да здравствует Первое мая, ура!» И назавтра над этим самым рейхстагом уже мы подняли красное знамя». Вот как, Шурик! Написал?

Но Шурик, конечно, не поспевал за братом. Он давно бросил карандаш и просто слушал. А потом сказал:

— Это подходящее, только тоже длинное. Эх, вы, не можете ничего коротко рассказать!

Он отошёл к окну, сел, положил на подоконник тетрадку и стал думать. Вспомнил, как они с папой и дедом в прошлом году пошли на Красную площадь. Сколько там народу было! Сколько знамён! И портретов! И какие песни пели! И как весело было! А на мавзолее стоял Сталин...

Шурик долго думал. Наконец он взял перо, чернила и написал:

«Я люблю Первое мая за то, что в этот день я пойду на Красную площадь и увижу товарища Сталина».

А сверху написал:

«Да здравствует Первое мая!»

И вышло столько, сколько нужно, — три строчки.

Танин галстук

Андрей ШМАНКЕВИЧ Рис. В. ВЫСОЦКОГО

Лёвин папа разговаривал в сторонке от ребят с офицером-моряком. У моряка на кителе было целых четыре планки с лентами орденов, и все ребята посматривали на него. Рядом с моряком стояла девочка с белыми бантами в белых косичках.

— Лёва, иди сюда, — позвал папа. — Вот познакомься с Таней, она тоже едет в лагерь.

Лёва осмотрел девочку с ног до головы и взглянул на отца. Девочка сама протянула руку.

— Я Таня, — сказала она.

— Знаю, слышал... — пробурчал Лёва и, опасливо взглянув на ребят, торопливо пожал Тане руку.

— Вот и познакомились, — сказал моряк. — Хорошо будет, если вы станете друзьями. Таня здесь никого не знает.

— Узнает, — ответил Лёва, а сам подумал: «Как же, стану я дружить с девчонкой! Небось, хныкалка... Хорошо ещё, что ребята не видели, как я тут с ней знакомился».

Но ребята всё видели. Стоило Лёве подойти к ним, как его дружок, Коля Попковский, церемонно поклонился и протянул ему руку:

— Разрешите с вами познакомиться. Меня зовут Коля. А вас?

Лёва постарался даже виду не подать, что это его задело.

— Не знаешь, так и не говори, — сказал он: — я не знакомился, а здоровался. Это вовсе моя двоюродная сестра. Ясно?

Коля недоверчиво посмотрел на Лёву.

— Врёшь ты, наверно. Отчего же ты тогда покраснел, если сестра?

— А ну тебя!.. — отмахнулся Лёва и, чтобы к нему больше не приставали, направился к окну, где лежал его рюкзак.

У него сразу испортилось настроение. «Зачем я сказал, что она моя сестра? — думал он. — Разве плохо, что я познакомился с девочкой? Ещё неизвестно, какая она...»

Лёва задумался и не заметил, как к нему подошла Таня.

— У тебя тяжёлый рюкзак? — спросила она.

— Попробуй, — ответил Лёва не очень дружелюбно. Он думал, что Таня даже не поднимет его мешок. Но Таня подняла и взвесила его на руках.

— Ого! Да и у меня не легче.

Таня побежала и принесла свой рюкзак. Лёва взял его и удивился.

— Ты что, камней в него наложила?

— Нет, что ты! — засмеялась Таня. — Там книги, тетради, альбом для рисования, краски и карандаши. Ты умеешь рисовать?

— Умею. Меня всегда в редколлегию выбирают.

— Вот хорошо! — обрадовалась Таня. — Будем вместе рисовать! Хочешь, я буду помогать тебе выпускать стенгазету?

— Ладно. Там видно будет, — уклончиво ответил Лёва.

В поезде они сидели рядом. Почти всю дорогу говорила Таня, а Лёва только слушал. Сначала он нарочно молчал, чтобы ребята подумали, будто он сел с Таней только потому, что она его сестра. Но потом он заслушался и про всё забыл. Таня видела куда больше его самого: она и на Чёрном море жила, и в Мурманске была, и в Хабаровске на Дальнем Востоке. Рассказывала Таня так интересно, что Лёва прямо видел всё, про что она говорила. Так незаметно они доехали до лагеря.

Многие из ребят были в лагере не в первый раз, и поэтому лагерная жизнь наладилась очень скоро. Таня впервые жила в лагере, но она быстро запомнила распорядок дня и первой бежала на своё место в строю на линейке.

— Ой, девочки, как мне всё здесь нравится! — говорила Таня. — А особенно, когда горн играет и поднимают флаг. До того торжественно, даже в горле щекочет.

Одно только очень удивляло Таню: почему-то Лёва старался всё время держаться от неё подальше. Как только она подходила к ребятам, Лёва уходил.

«Что это он? — думала Таня. — Обиделся на меня или просто воображает? Ну и пусть воображает».

Таня даже решила делать вид, что не замечает Лёву.

Может быть, она и выполнила бы своё решение, но всё получилось иначе.

Как-то на линейке после подъёма флага старший вожатый сделал Лёве замечание.

— Ты задерживаешь выпуск стенгазеты, — сказал он Лёве. — Все заметки уже написаны, а заголовка и рисунков нет. В прошлом году ты это делал охотнее. А теперь тебя интересует один футбол...

Лёва покраснел и не очень уверенно сказал:

— Сегодня всё сделаю.

— Ну, едва ли ты за один день всё сделаешь! — усомнился вожатый.

— Всё равно сделаю, — упрямо сказал Лёва и, как показалось Тане, посмотрел в её сторону.

Таня хотела сказать вожатому, что охотно поможет Лёве, но опять передумала.

После линейки к Тане подошла Тамара Носкова.

— Что же ты не выручишь братца? — спросила Тамара. — Ты же любишь рисовать?

— Какого братца? — удивилась Таня.

— Как какого? Лёвку!

— Откуда ты взяла, что он мой брат?

— Лёвка сам говорил.

Таня удивилась: «Сочиняет, наверно, Тамара», подумала она, но всё же решила спросить у Лёвы.

Таня разыскала его в ленинской комнате.

— Вот хорошо, что ты пришла! — обрадовался Лёва. — Помоги мне, пожалуйста. Я сказал вожатому, чтобы и тебя включили в редколлегию.

— А я могу и без включения тебе помочь, — улыбнулась Таня. — Сестра всегда должна помогать родному брату.

Таня ожидала, что Лёва удивится и скажет: «Какому брату, почему брату?», но Лёва покраснел и опустил голову.

— Я не говорил, что ты родная, я сказал — двоюродная...

Он думал, что Таня повернётся и уйдёт, а Таня только рассмеялась:

— Вот здорово! У меня есть брат!

— Смеёшься?! Я и сам не знаю, как это получилось. Ребята начали бы дразнить, что я с тобой за ручку познакомился... Ну, я и сказал...

— Да не смеюсь я, Лёва. Мне давно хотелось, чтобы у меня был братишка. Давай помогу тебе.

Лёва порылся в папке и протянул Тане листок:

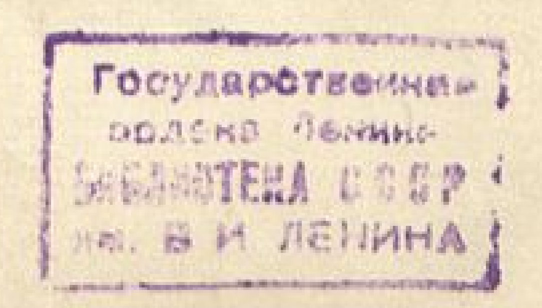
— Нарисуй карикатуру!

Таня принялась делать набросок. Лёва стал раскрашивать буквы заголовка тушью. Таня рисовала и всё время поглядывала на Лёву. Сначала Лёва не понимал, почему она на него смотрит, а потом догадался, что Таня его срисовывает. Он хотел посмотреть, но Таня закрыла листок руками.

— Когда кончу, тогда покажу.

— Да, ты так нарисуешь, что на меня будет похоже!

Лёве захотелось во что бы то ни стало посмотреть рисунок, и он стал отнимать Танины руки от листка.

— Не смей, Лёвка, не смей! Всё равно не покажу! Ай!

Лёва опрокинул пузырёк с тушью, и тушь залила Тане руки и весь рисунок.

— Что ты наделал? Вот возьму и вытру руки о твою голову! — начала Таня шутя ругать Лёву, но вдруг испуганно вскрикнула: — Ой, галстук, галстук! Что ты сделал!.. Ты залил тушью мой галстук!

У Тани задрожали губы и на глазах навернулись слёзы. Лёва стал её успокаивать:

— Ну чего ты, Таня? Я же не нарочно. Ну, возьми мой! Смотри, он ещё совсем новый.

— Не надо мне твоего. Ты не знаешь, какой это галстук! Это ещё папин галстук. Папа его носил, когда был пионером... Ему уже, наверно, двадцать лет, этому галстуку. Папа дал мне его и сказал, чтобы я его берегла... А я вот уберегла... А тушь не отстираешь...

Таня ещё хотела что-то сказать, но тут прозвучал горн, и она побежала в строй. Галстук Таня положила в тумбочку.

«Может быть, потом отстираю!» думала она, стоя на линейке.

Лёва тоже думал о галстуке. Он видел, куда Таня его спрятала. Сразу же после обеда Лёва взял его, а потом отправился на кухню к тёте Саше.

— Тётя Саша, вот когда тушь на материю прольётся, можно её отмыть?

— А на чём она разведена: на воде или на жирах? — деловито спросила тётя Саша.

— Не знаю, наверно на воде. Я уже доливал воды в пузырёк. Тушь — это вроде чернил...

— Ах, чернила! Так бы и говорил. Чернила отстирываются лимонной кислотой, или содой можно попробовать. Да ты дай мне, что там у тебя, я простирну,—предложила тётя Саша.

— Спасибо, не надо. Дайте мне только этой кислоты и соды, я сам всё сделаю.

А в это время Таня искала свой галстук. Она перерыла все ящики в тумбочке, смотрела и за тумбочкой и за кроватью, — галстука нигде не было.

— Ты что ищешь? — спросила вожатая.

— Галстук. Я положила его в тумбочку, а теперь его нигде нет, — растерянно ответила Таня.

— А может быть, ты его забыла где?

— Нет. Я положила его вот сюда.

— Ищет вчерашний день, — засмеялась Тамара. — Он у тебя был старый, да ты его ещё замазала тушью, вот и выбросила куда-нибудь, чтоб новый получить.

— Как тебе не стыдно говорить это! — набросились девочки на Тамару. — Смотри, до слёз довела Таню.

А вожатая строго сказала Тамаре:

— У тебя галстук хороший, а вот поступаешь ты плохо. Вместо того чтобы помочь подруге, ты сразу, не разобравшись, оскорбила её. А ты, Таня, не плачь. Найдётся галстук, не может быть, чтобы он пропал, если ты его действительно не потеряла...

— Конечно, потеряла, — не унималась Тамара. — У меня почему-то не пропал, а у неё пропал!

И вдруг все услышали голос Лёвы:

— Это я взял Танин галстук!

Он стоял на пороге с мокрым галстуком в руках и слышал, о чём говорили девочки.

— Зачем? — удивилась вожатая.

— Стирал! Я нечаянно залил его тушью и взял, чтобы отстирать. Вот смотри, Таня.

Лёва протянул Тане галстук. Таня осторожно взяла его, развернула и стала рассматривать.

— Чистый, чистый, — успокаивал Лёва. — Я целый кусок мыла смылил, три раза к тёте Саше за содой бегал... Там в речке, наверно, все головастики от мыла подохли... А всё-таки отстирал!

— Спасибо, Лёва. Я боялась, что он совсем пропал. Я бы и сама отстирала, только я думала, что тушь не отмывается, — сказала Таня, улыбаясь и бережно расправляя галстук.

Но Лёва уже повернулся к Тамаре:

— Эх, ты... «Старый галстук... Выбросила...» Да ты знаешь, какой у Тани галстук? Этот галстук ещё её папа носил, когда был пионером. А теперь он уже коммунист. Он на фронте был, у него семь орденов да ещё медали. Вот какой галстук у Тани!

— Откуда же я знала? — еле слышно ответила Тамара.

Все ждали, что она протянет руку Тане и скажет: «Прости меня», но Тамара наклонилась к Тане и что-то тихо прошептала ей на ухо. Таня выслушала, улыбнулась и громко сказала:

— Лёва, идём делать стенгазету. И Тамара пойдёт с нами. Она ведь тоже хорошо рисует. А уж втроём мы непременно выпустим стенгазету сегодня.

Джаудат ТАРДЖЕМАНОВ

НАША ШКОЛА

Новая школа в зелёном саду,
Новая школа у всех на виду.
В классах чисто,
В окна лучистый
Льётся свет.
Здания краше
На улице нашей
Нет.
Нам эта светлая школа дана,
Имя писателя носит она,
Имя поэта Тукая.
Вот наша школа какая!

Перевод с татарского
А. МЕЛУЗНИКОВА

МАЯ!
1 МАЯ
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
1

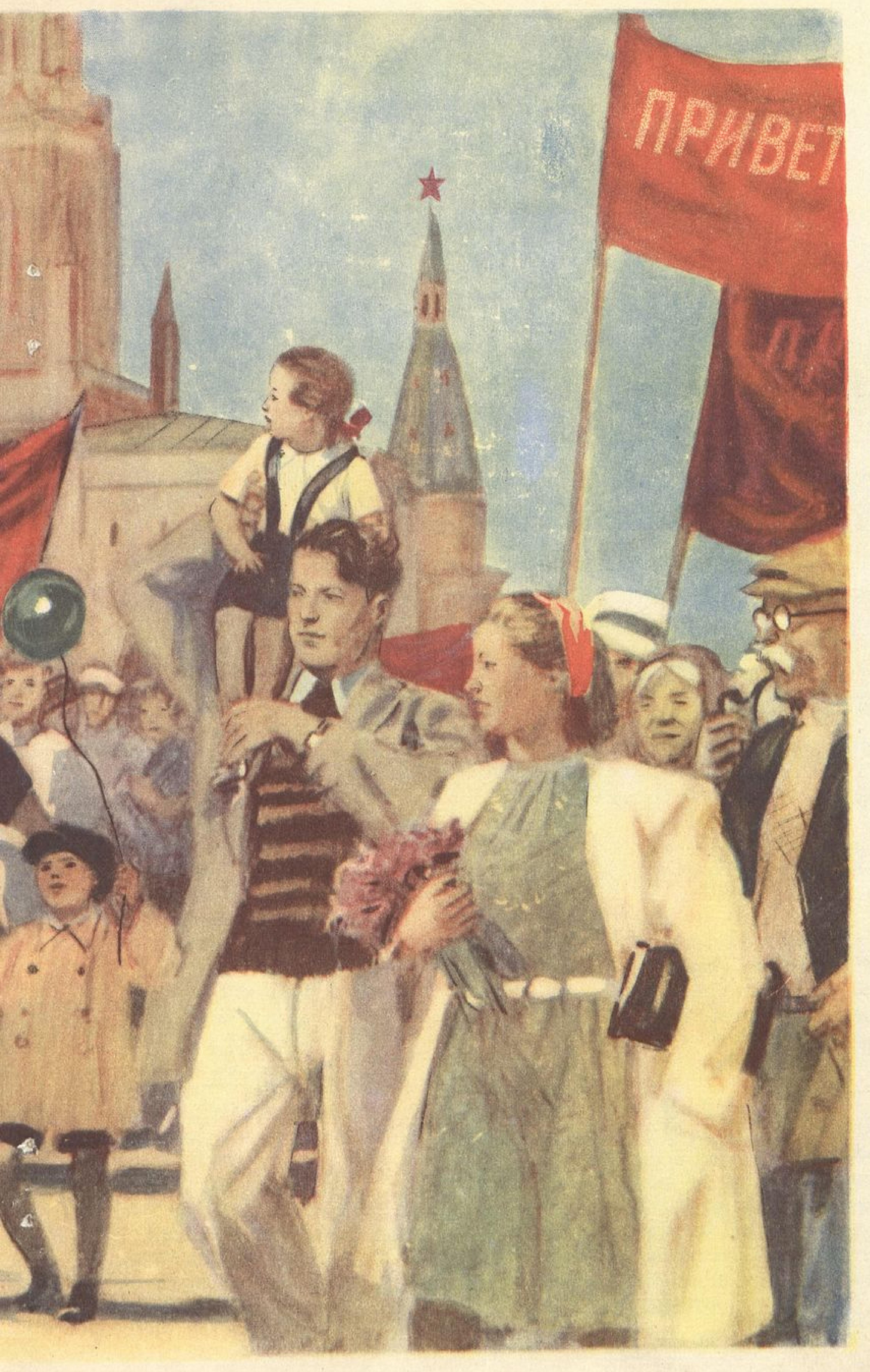

Рис. Д. ШМАРИНОВА

МАЙСКАЯ ПЕСЕНКА

Зелёные листики —
И нет зимы.
Идём
    раздольем чистеньким
И я,
  и ты,
    и мы.

Весна сушить развесила
Своё мытьё.
Мы молодо и весело
Идём!
  Идём!
    Идём!

На ситцах, на бумаге —
Огонь на всём!
Красные флаги
Несём!
    Несём!
        Несём!

Улица рада,
Весной умытая.
Шагаем отрядом
И мы,
    и ты,
        и я.

В. МАЯКОВСКИЙ

АНТОН ПРИШЕЛЕЦ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

В МАЕ

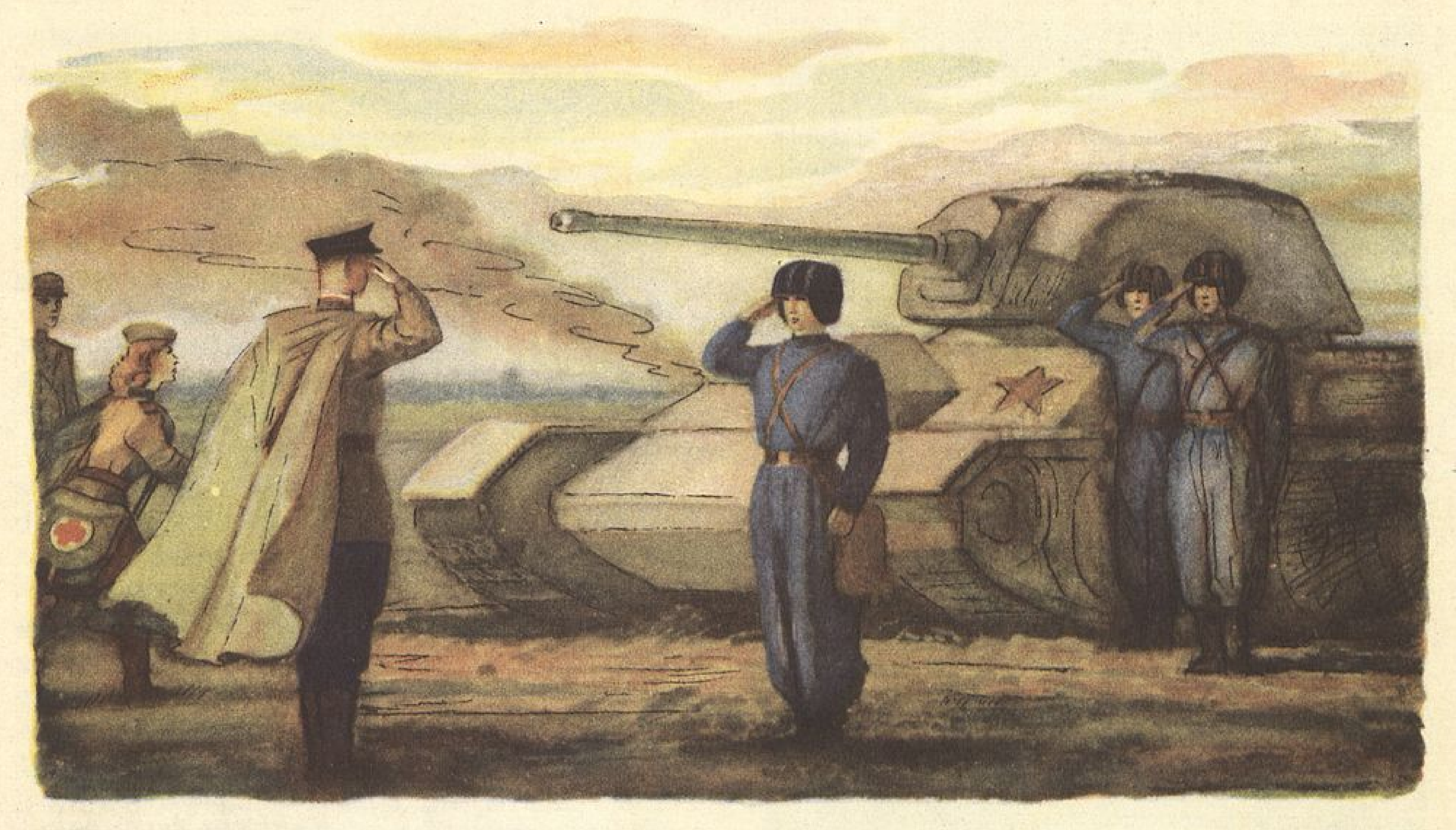
Вьются ласточки у окон,
Пахнет тополем, сосной.
Солнце майское высоко,
Смотрит в школьное окно.

И, лучом его задетый,
Каждый думает тайком:
Скоро лагерь,
Скоро лето,
Над рекой знакомый дом.

По тропинкам,
По просёлкам
Целый день гуляй, броди,
В гости к сосенкам да ёлкам
В бор зелёный заходи.

Сядь у речки, на песке,
С длинной удочкой в руке.
Хорошо снимать с крючка
То ерша,
То окунька!

Только втрое весел летом
И беспечен будет тот,
Кто не знал
Плохих отметок,
Кто сейчас
По всем предметам
На «отлично» кончит год!

Николай БОГДАНОВ *Рис. Ю. КОРОВИНА*

МЕДОВЫЙ ТАНК

Однажды наш танк «Т-34» стоял в засаде на окраине деревни Прилуки, недалеко от пчельника.

Танкисты замаскировали его снопами, спрятав в скирдах старой соломы.

Немцы, ворвавшись в деревню, увлеклись грабежом и не замечали, что сквозь смотровые щели грозной стальной машины за ними наблюдают три пары глаз: синие — командира танка лейтенанта Фролова, чёрные — башенного стрелка татарина Али Мадалиева и карие глаза водителя — круглолицего хлопца Василия Перепечко.

Вслед за мотоциклистами в деревню наехали грузовики, полные солдат, с пушками на прицепах, несколько легковых офицерских автомобилей, радиостанции и другие машины.

— Одна, две, три... — считал Фролов, ожидая, когда наберётся побольше.

День был жаркий. В танке — как в бане. Пот застилал ему глаза, и он стряхивал капли кивком головы в тяжёлом танкистском шлеме.

С досадой он наблюдал, как хозяйничают враги в русской деревушке. Настоящие разбойники, — суетливые, грубые, с засученными рукавами. Ощипывают кур, режут свиней, достают воду, растапливают печи, готовят себе угощенье.

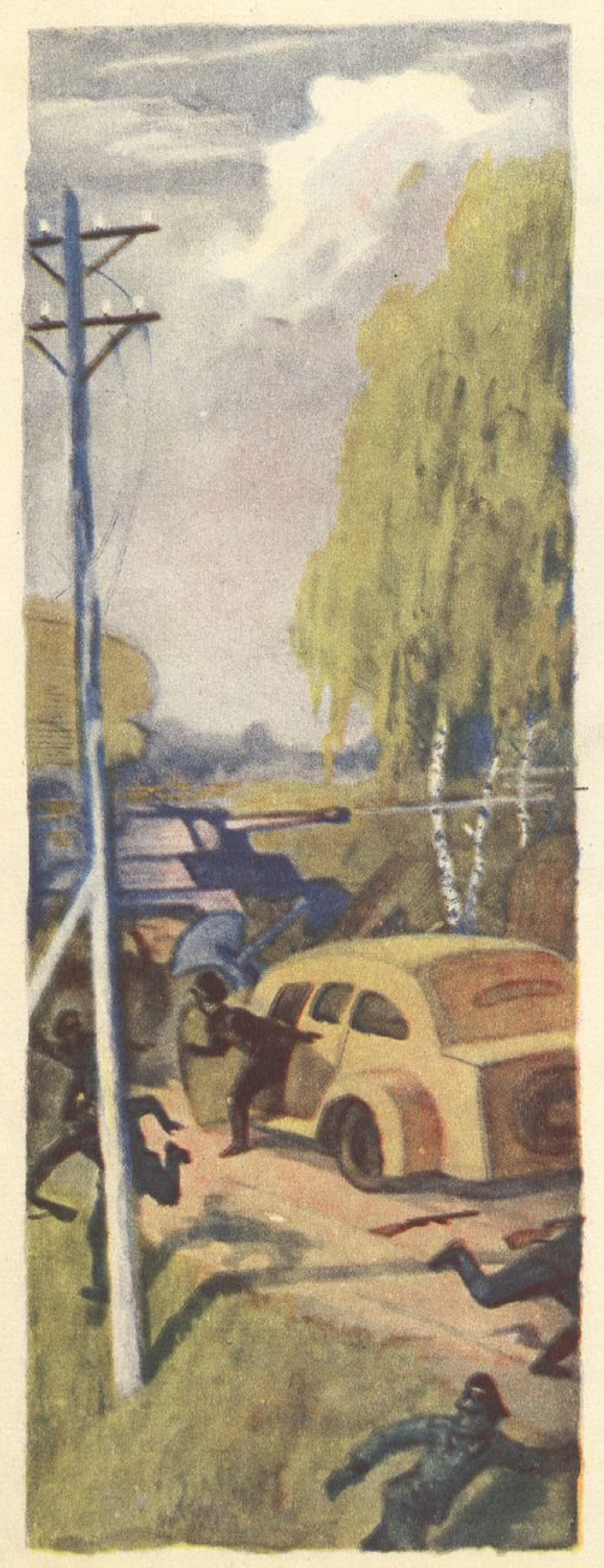
— Сейчас мы вас угостим, гости незваные!

Лейтенант уже хотел скомандовать — «огонь», но в это время башенный стрелок громко прошептал:

— Смотрите, они надевают противогазы...

— Ого! — вздрогнул Фролов. — Уж не хотят ли они применить газы? Дело серьёзное!

Он пригляделся внимательней и увидел, что целая толпа фрицев движется к танку с лопатками и котелками в руках, напялив на головы противогазы. Казалось, это не люди, а какие-то чудовища. Повалив плетень, они ворвались на пчельник и стали разбивать ульи лопатами, тесаками, руками и ногами, как взбесившиеся, — с рёвом и с хохотом.

— Что это они? — поразился лейтенант.

— Пчёл граблють, — мрачно ответил снизу Перепечко.

— Пчёл? В противогазах? — возмутился молодой лейтенант и крикнул: — По грабителям — огонь!

Али нажал гашетку, и скорострельная пушка звонко выпалила целую кассету снарядов, — один, два, три... Первый не долетел, второй перелетел и угодил в грузовик на улице деревни, а третий разорвался на пчельнике, прямо в гуще фашистских разбойников.

Уложив многих наповал, стрелок перенёс огонь на вражескую мотоколонну. Его снаряды рвали и крушили немецкую технику.

И что тут поднялось! Над разорённым пчельником тучей поднялись пчёлы, а потом яростно ринулись вниз и напали на своих врагов. Кругом с грохотом рвались снаряды. Немцы хотели стрелять в танк, бросать гранаты, но едва успевали снимать с себя жалящих насекомых. Шофёры пытались завести машины, но не могли. Артиллеристам не удавалось развернуть пушки. Офицеры выбегали на крыльцо, пытались командовать, но убегали обратно в хаты, закрыв лица руками.

Миллионы пчёл жалили всех, не разбираясь, гудя, как буря.

А скорострельная пушка Мадалиева, сверкая, как молния, разбивала и зажигала одну машину за другой.

— Огонь, огонь, наддай ещё! — с увлечением кричал Фролов.

Вдруг затвор щёлкнул, но выстрела не последовало.

— Снаряды кончились, — испуганно сказал Али, в азарте расстрелявший весь боезапас. Танк стал безоружным. Но командир не растерялся.

— Вперёд, — скомандовал он водителю, — дави гусеницами!

Василь Перепечко давно ждал этого, сжимая рычаги управления вспотевшими руками.

Он бросил танк вперёд, машина подпрыгнула и, стряхнув с себя снопы, кинулась на врагов. Вначале танк прошёлся по пчельнику, давя немцев в противогазах и грудью расшибая ульи. Затем, обрызганный мёдом,

залепленный сотами, грозный «Т-34» обрушился на колонну фашистской техники.

Он таранил стенки броневиков, расщеплял борта грузовых машин, вышибал из них моторы, давил пушки, так что колёса и дула летели в разные стороны, а легковые автомобили превращались под его гусеницами в лепёшки.

Танк бросало из стороны в сторону, как лодку во время бури. Танкисты стукались головами о его борта, стукались друг о друга, но не замечали ничего в пылу боя.

В вентиляционный люк вместе с воздухом к ним затянуло несколько пчёл.

Фролов вдруг почувствовал такую пронзительную боль в глазу, что вскрикнул. У Перепечко словно пламенем опалило лицо, а у Мадалиева — руки.

Но, не обращая внимания на боль, лейтенант кричал: «круши!», «дави!», водитель работал рычагами и педалями, а башенный стрелок время от времени поворачивал башню и сносил дулом пушки борта и кабинки фашистских автомашин и головы подвернувшихся солдат.

Так они мчались по деревенской улице в танке, который шагал по немецкой автоколонне, как сказочный свирепый богатырь «всех давишь».

Немало солдат, побитых огнём его пушки и подавленных гусеницами, валялось вокруг. Некоторые так и умерли в противогазах, с кусками медовых сотов в скрюченных руках. Иные бросались от него в дома, другие лезли на деревья, один даже прыгнул в колодец.

А двое каких-то ловких фрицев вскочили на танк и так спаслись. Но не успели они оглянуться, как танк промчался по улице и, выскочив на дорогу, понёсся с такой бешеной скоростью, что невозможно было спрыгнуть. Немцы только крепче вцепились в пушку, прижавшись к башне. Танкисты не видели их.

С такими «гостями» на броне и примчались они в расположение своей танковой бригады.

Задыхаясь от жары в раскалённом стальном танке, они поскорей открыли люк, вылезли, обливаясь потом, наружу и мешками свалились на пыльную траву.

Со всех сторон к ним бросились товарищи — танкисты. Кто-то крикнул:

— Санитаров!

Лейтенант Фролов, собрав все силы, вытянулся перед командиром роты и хотел отрапортовать о бое, но распухшие губы не слушались, и только один глаз глядел на командира.

— Что с вами? Вы ранены, лейтенант? — спросил капитан Акимов и тут же, хлопнув себя по лбу, воскликнул: — Откуда здесь пчёлы?

Увидев, что по шлему капитана Акимова ползёт пчела, Фролов понял, кто его ранил в глаз, и наконец выговорил:

— Мы атаковали немцев на пчельнике!

— Прямо по ульям, — добавил Али.

— О це була атака! — заключил Перепечко.

Танкисты взглянули на их распухшие лица и расхохотались.

Кто-то из них посмотрел на танк и заметил прижавшихся к башне немцев.

— А это что за пассажиры? Смотрите-ка, фрицы! Вы их в плен взяли?

Лейтенант Фролов с удивлением взглянул на пленных, а Перепечко, пощупав рукой танк, невозмутимо ответил:

— Ни, воны сами налипли, як мухи на мёд!

И тут же крикнул:

— А ну, слезай, бисовы дети, нечего танк облизывать, ишь понравился, сладкий...

Немцев сняли с танка и крепко спросили их, кто они такие, откуда взялись и зачем пришли на нашу землю.

А танк лейтенанта Фролова с тех пор так и прозвали «медовым», хотя немцам много раз приходилось от него совсем несладко.

Рис. П. МИТУРИЧ

СОКОЛ И ЕГО ВЕРНЫЙ МИНГО

Албанская народная сказка в пересказе Б. Веста

Жил-был в Стране орлов мальчик по имени Сокол. Отец его был охотником. В тот самый день, когда родился Сокол, пошёл отец на охоту и не вернулся — погиб в горах. Остались мать с сыном одни. А в наследство достались им старая хижина, ружьё и большой охотничий нож.

Шли годы. И вот, когда Соколу исполнилось двенадцать лет, он сказал:

— Я уже большой, а ты, мама, уже стара. Пора мне самому зарабатывать свой хлеб, а тебе пора отдохнуть. Дай мне отцовское ружьё и нож — буду и я охотником, каким был отец.

Вычистил Сокол ружьё и нож, поцеловал их по старому обычаю и не расставался с ними ни днём, ни ночью. Каждый день стрелял он в цель и скоро стал таким хорошим стрелком, что ни заяц в поле, ни олень в лесу, ни птица в воздухе не могли уйти от его меткой пули.

Вот как-то возвращался Сокол с охоты и услышал волчий вой. Подошёл он поближе и увидел: маленький серый жеребёнок запутался в колючем кустарнике, а вокруг сидит волчья стая, зубы скалит, ждёт, пока он из сил выбьется. Пожалел Сокол жеребёнка, прицелился в вожака стаи и убил его, а остальные волки убежали.

Сокол помог жеребёнку выбраться из колючих зарослей, а тот вдруг и говорит:

— Спасибо тебе, храбрый охотник! Ты спас меня от гибели. За это буду я служить тебе верой и правдой. Только об одном прошу тебя: никогда, никому и нигде не рассказывай, что я умею говорить. Иначе над тобой люди посмеются, а меня посадят в клетку всем напоказ.

Сокол с радостью согласился, привёл жеребёнка домой и назвал его Минго. Выстроил Сокол для Минго конюшню, кормил и поил его, чистил так, что шерсть Минго блестела, как серебро. Скоро Минго немного подрос, и Сокол стал ездить на нём в лес на охоту. Только там они и разговаривали, так что даже мать не знала о тайне Минго. Не нужны были Минго ни уздечка, ни шпоры — он слушался голоса своего хозяина, а скакал он так быстро, что перегонял зайца в поле.

Были они однажды на охоте, и нашёл Сокол большой красивый камень. Не простой это был камень — даже в темноте он сиял и сверкал, как звезда. Принёс Сокол его домой, и сразу светло стало в бедной хижине.

А в этот самый день умер в стране король, и повсюду был объявлен траур: под страхом смертной казни никто не смел зажигать света целых три ночи. По всей стране шныряли стражники и высматривали, не горит ли где-нибудь свет. И в первую же ночь донесли правителю того края, что в доме Сокола горит свет. Схватили стражники Сокола и привели его к правителю.

— Как ты посмел зажечь свет, мальчишка? — сурово спросил правитель. — Разве ты не знаешь, что за это тебя ждёт смертная казнь?

— Я бедный охотник, — отвечал Сокол. — Я так беден, что в моём доме нет ни лампы, ни свечи, я встаю и ложусь с солнцем. Не зажигал я света.

Не поверил правитель и приказал стражникам обыскать дом. Не нашли они ни свечи, ни лампы, но зато принесли драгоценный сверкающий камень. Как увидел его жадный правитель, засиял от радости.

«Отвезу-ка я этот камень молодому королю, — подумал он, — наверное, он щедро наградит меня». И он приказал своим слугам выгнать Сокола, а сам поспешил во дворец.

Король очень обрадовался, увидя драгоценный камень.

— Ты лучший из правителей, — сказал он, — но только одного камня для меня мало. Доставь мне столько таких камней, чтобы из них выстроили новый дворец, и тогда я щедро награжу тебя.

Подумал, подумал правитель и согласился, — так ему хотелось награды. «Чужими руками легко змей ловить», говорит пословица. Он приказал вновь привести к себе Сокола и передал ему королевский приказ.

— Да не вздумай убежать, мальчишка,— добавил злой правитель, — иначе я прикажу разрушить дом, где жили твои деды и прадеды, и казню не только тебя, но и твою старую мать!

Что было делать? Оседлал Сокол своего верного Минго и поехал в лес искать драгоценные камни. Долго искал он, но не нашёл ни одного. И когда они ехали обратно, горячая слеза выкатилась из глаз Сокола и упала на шею Минго.

Остановился верный Минго, повернул голову и спрашивает:

— О чём ты плачешь, хозяин?

— Как же мне не плакать? — ответил Сокол. — Может быть, в последний раз ты меня везёшь. — И он рассказал другу про свою беду.

— Ну, эта беда небольшая, — весело сказал Минго. — Держись-ка покрепче за мою гриву, — я свезу тебя туда, где таких камней видимо-невидимо. — И поскакал верный конёк быстрее, чем летит камень с горы.

Доскакали они до горного ущелья, которое всё так и светилось.

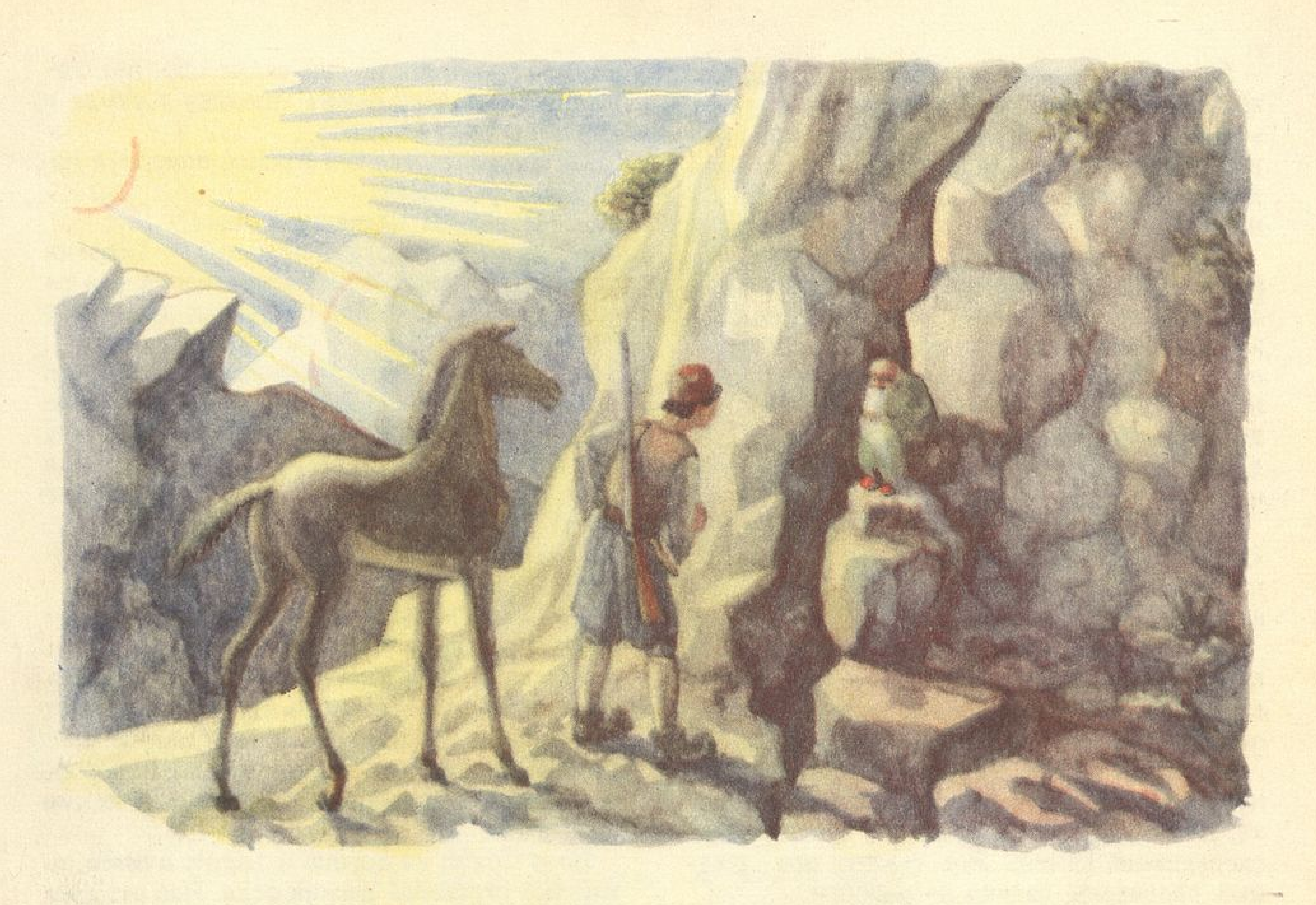
— Слушай, хозяин, — сказал Минго: — здесь и хранятся драгоценные камни. Стережёт их одноглазый осёл Кучаляш, которого ни один человек не может убить. Вся его сила — в глазу, а выбить глаз можно только лошадиным копытом. Залезай-ка ты на дерево, а за меня не бойся — я с ним справлюсь.

Влез Сокол на дерево и видит: мчится по ущелью огромный рыжий осёл. Изо рта дым валит, из глаза огонь пышет. А навстречу ослу — Минго. Сошлись они и стали биться. Лязгают зубы, стучат копыта, на всю округу разносится эхо. Искусный боец был маленький Минго! То лягнёт он, то укусит осла.

Взревел Кучаляш от боли и ярости и встал на дыбы. Только никак маленькому Минго до ослиного глаза не достать, — такой огромный был осёл Кучаляш. Но Минго пустился на хитрость. Стал он носиться вокруг разъярённого великана. Попробовал и Кучаляш за ним поворачиваться, да на сотом круге закружилась у него голова и упал он на колени. А Минго того и надо! Подскочил он к ослу и вышиб у него глаз копытом.

Обнял Сокол своего верного друга, поцеловал его, и пустились они в обратный путь.

На другой день послал правитель пятьсот повозок к ущелью, погрузили на них драгоценные камни и выстроили королю дворец, который сверкал и сиял так, что во всей столице не нужно было зажигать света. Щедро наградил король правителя, а Соко-

лу никакой награды не дали. А сам он просить награды не стал — он был горд, как все люди в Стране орлов. Вернулся он к себе домой и зажил попрежнему.

Вот как-то убил Сокол на охоте огромную рысь. Снял он с неё красивую шкуру и повесил по старому обычаю на дверь своей хижины. Все прохожие любовались редкостной шкурой и говорили: «Должно быть, славный охотник живёт в этом доме!»

Да, на беду, проезжал мимо злой правитель. Увидел он рысью шкуру и приказал своим слугам взять её у Сокола, а ему швырнул медную монетку. Сокол её и поднимать не стал.

Отвёз правитель шкуру в подарок королю и вернулся с новым приказом:

— Повелеваю тебе, Сокол, убить сотню таких рысей, чтобы сшить ковёр в новый королевский дворец. А не исполнишь — я прикажу тебя повесить, мальчишка! — пообещал правитель Соколу.

Рассказал Сокол верному другу про свою новую беду. Призадумался верный Минго.

— Знаю я, — сказал он, — тайный источник, куда эти рыси собираются на водопой. Да только подобраться к ним мудрено. Убьёшь одну рысь, другую, а остальные разбегутся. Но не печалься, хозяин! Есть в Живых горах мудрый карлик Дийс. Он мудрее меня. Поскачем к нему — он нам поможет.

И помчался Минго к далёким Живым горам быстрее, чем дикие гуси летят. Доскакали они до Живых гор и стали полудня ждать. Потому-то и зовутся эти горы Живыми, что расступаются они в полдень, и тогда выходит из расселины карлик Дийс погреть на солнышке свои старые кости.

Как наступил полдень и стало солнце прямо над головой, так с грохотом разошлись Живые горы и выскочил старый Дийс. Ростом был он Соколу по колено, а борода такая длинная, что три раза вокруг тела обёрнута.

Выслушал он Сокола и сказал:

— Нужно вылить в источник двадцать мехов трёхлетнего вина, тогда рыси охмелеют и заснут крепким сном. Тут вы их голыми руками возьмёте.

Сказал — и снова в расселину юркнул. И вновь с грохотом сошлись Живые горы.

Сокол так и сделал. Взял он у правителя двадцать мулов, груженных мехами с трёхлетним вином, а на следующее утро привёз сотню рысьих шкур, одна лучше другой.

Вышел из них ковёр редкой красоты, дал король правителю богатую награду. А про Сокола опять забыли.

Но ведь правды не скроешь! Узнали люди, кто драгоценные камни нашёл, кто целую сотню рысей убил, и пошла о храбром Соколе и его верном Минго по всей стране слава.

Услыхал об этом злой правитель и позавидовал Соколу. Позавидовал — и решил его погубить. Придумал он — дать Соколу такую службу, какую ни один человек на свете исполнить не может.

Пришёл правитель к королю и сказал:

— Славен ты, король, и знаменит! Дворец у тебя — первое чудо в свете, а ковёр во дворце — и того лучше. Одно плохо — не знает об этом покойный король, твой отец. Прикажи написать ему письмо, и пусть храбрый вестник отвезёт письмо королю в царство мёртвых, а тебе оттуда ответ доставит.

Обрадовался глупый король.

— Это ты хорошо придумал, — сказал он. — Только кто же сумеет в царство мёртвых письмо свезти да и ответ доставить?

— Да кто же, как не охотник Сокол, — сказал правитель.

Король согласился. И вот бедный Сокол получил новый приказ — отправиться в царство мёртвых с письмом к покойному королю.

— Если же ты не выполнишь приказ, — сказал злой правитель, — то я велю закопать тебя в землю по самую шею, чтобы вороны выклевали твои глаза, и ты всё равно отправишься в царство мёртвых! Даю тебе три дня сроку на размышление, а теперь убирайся, — я буду писать письмо покойному королю!

Что было делать? Вновь отправились Сокол и Минго за советом к мудрому карлику Дийсу. Добрый карлик закрыл глаза и думал целый час. Потом он открыл глаза и сказал:

— Никто не может вам помочь в такой беде, кроме Красы земли. Она прекраснее и мудрее всех на свете. Но вот горе: Краса земли сейчас в плену у страшного людоеда Дива, который живёт на горе у змеиного болота. Див превратил её в белоснежный цветок. Убейте Дива — тогда красавица примет свой прежний облик и даст вам мудрый совет.

Далёк был путь до змеиного болота, но хорош был и конь. Так летел Минго, что никто не мог бы увидеть его копыт. И как только миновал он змеиное болото, из чащи выскочил страшный Див-людоед. Был он ростом выше самой высокой сосны в горах и грязен, как дикий кабан. Он оскалил зубы и бросился на Сокола.

Но Сокол не испугался, выхватил свой охотничий нож и сразу отрубил людоеду правую лапу. Завыл от боли Див, кинулся бежать. Да разве убежишь от пули! Догнала людоеда меткая пуля, и повалился он на землю. В ту же минуту пропали чары, и вместо белоснежного цветка, что рос на обрыве, появилась перед Соколом сама Краса земли.

Обняла Краса земли своего спасителя, поцеловала. Подхватил её Сокол на седло, и поскакали они домой.

А дома стали совет держать. И сказала Соколу Краса земли:

— Не горюй, мой спаситель! Возьми у правителя королевское письмо и привези его потихоньку домой. Смотри только, чтобы никто тебя не встретил по дороге.

Так Сокол и сделал. Взял он письмо, поскакал с ним прямо в лес, а ночью по тайной тропинке вернулся домой. Тише кошки ступал верный Минго, — сучок не хрустнул под его копытами.

А Краса земли королевское письмо сожгла и сама ответ написала. И вот на рассвете третьего дня Сокол и Минго осторожно выбрались из дому и поскакали по тайной тропинке в лес, а оттуда — прямо во дворец.

Сломал король печать и прочёл письмо. Пока читал — улыбался, а дочитал — вздохнул.

— Чему ты улыбался, король? — спросил его правитель. — И почему ты вздохнул?

— Ах, — сказал король, — я улыбался потому, что отец радуется моему величию и славе. А вздохнул я потому, что он просит прислать тебя к нему, — а мне так жалко с тобой расставаться! Но что поделаешь! Воля отца — закон. Придётся тебе сегодня же отправляться в царство мёртвых, потому что мой отец пишет, что ему там очень трудно без твоих мудрых советов!

— Я не хочу, не хочу, не хочу! — закричал испуганный правитель: ведь он-то прекрасно знал, что никакого царства мёртвых нет. — Я не найду туда дороги!

— Покойный король, мой отец, подумал и об этом, — сказал король. — Он пишет, чтобы я приказал отрубить тебе голову, и тогда ты будешь в царстве мёртвых не позднее сегодняшнего вечера!

И злому правителю отрубили голову в тот же день.

А Сокол вернулся домой и зажил счастливо. Говорят, что потом он женился на Красе земли, но я не знаю: меня-то на свадьбе не было!

А. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

Охота дельфинов

Утих прибой,
И голубой
Залив перед тобой.
Плывёт дельфин,
Ещё один,
А там за ним другой.

Наперерез
И плеск и блеск
Атласных чёрных спин.

Один, другой...
Сверкнул дугой
Ныряющий дельфин.

И вот смотри:
Ведут все три
Охоту сообща
И гонят сельдь
В рыбачью сеть,
Играя и плеща.

Открывается «Кружок писателей весёлых». Хотите знать, кто может быть членом кружка? Отвечаю: всякий школьник 1-го, 2-го, 3-го и даже 4-го класса. Что должен делать член кружка на занятиях? Отвечаю: 1) Внимательно прочитать задание. 2) Хорошенько подумать. 3) Взять карандаш и бумагу и написать ответ. 4) Аккуратно переписать его чернилами и прислать в редакцию «Мурзилки» мне, А. З. Букину.

К чему должен стремиться член кружка? Отвечаю: выполнить задание так хорошо, чтобы его сочинение, как самое лучшее, было здесь напечатано. Всё понятно? Так. За работу, «весёлые писатели»!

Ваш А. З. Букин

Задание 1-е

Прочитайте вслух рассказ.

Свистулька

Самолётик сломался. Солдатиков спрятала сестра Соня. Скучая, Серёжа слонялся по саду. На скамейке спал на солнышке старенький Степан Семёныч. Серёжа старался свистеть соловьём, но скорее смешно сипел. Смотрит — Степан Семёныч смеётся.

— Слаб, слаб! Ступай сюда, сыночек. Смотри.

Старичок сорвал стручок, счистил из середины семена, соединил снова скорлупки, свистнул.

— Свистит, — сказал Серёжа, сияя. — Совсем соловей!

Серёжа сразу сам смастерил свистульку.

— Спасибо, спасибо, Степан Семёныч! — сказал Серёжа и скрылся, сияющий, счастливый. Славный старик Степан Семёныч!

Прочитали? Заметили, что все слова, кроме самых коротеньких — «и», «на», «за», «к», «в», «но», начинаются на букву «с»? А ну-ка, сочините сами рассказик под названием «Про Петю» — чтобы было не меньше 20 слов и все начинались на букву «П».

Задание 2-е

Сказка про . . . . . и про . . . . .

Шёл по лесу . . . . . Видит: сидит на дереве . . . . . Он поднял . . . . , хотел . . . . , а . . . . вдруг говорит: пожалей меня, ... , может, и я . . . . Он ответил: . . . . И пошёл дальше. Видит: . . . . Думает: дай здесь . . . . . Вот он лёг и . . . . А близко был . . . . Почуял . . . . , обрадовался. Думает: вот . . . . Подобрался, да только хотел . . . . и . . . . , откуда ни возьмись . . . . Кричит: . . . . . . , ... ! Погибнешь! Вскочил . . . . , схватил . . . и . . . . Потом . . . низко . . . и пошёл домой с . . . . .

Непонятная сказочка? А вы придумайте и напишите на месте точек подходящие слова — так, чтобы получилась целая понятная история. А потом прочитайте вашу сказочку вслух товарищам и родным. И всем будет интересно. И задание 2-е будет выполнено.

На сегодня занятия кружка окончены. До свиданья, друзья!

А. З. БУКИН

Проследи внимательно за красной линией — узнаешь название басни И. А. Крылова.

Рисунок на обложке А. Ермолаева. *Портрет товарища СТАЛИНА работы художн. В. Сурьянинова*

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать пятый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущевская ул., 21. Тел. Д-3-20 90, доб. 1-06.

Подписано к печати 5 V 1948 г. А02153. Объем 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 741.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.